

СТРАННЫЕ СТРАНЫ

Предисловие к российскому изданию

У Северной Кореи сложилась довольно необычная репутация — ее воспринимают как страну, о которой не известно ничего и в которой, соответственно, возможно все. В результате в нашей стране для многих Северная Корея является не столько страной, в которой как-то живут люди, а неким символом. Одним она кажется воплощением Тоталитарного Ужаса, ожившей оруэлловской антиутопией, а другими Северная Корея воспринимается как остров социализма, в котором жизнь протекает так, как она — по их мнению — протекала когда-то в Советском Союзе (ну, возможно, с определенным азиатским колоритом). Одни видят Северную Корею в первую очередь в облике храброго Давида, который бросает вызов американскому Голиафу, а другие воспринимают ее как угрозу миру, страну, руководство которой состоит из чистопородных военных маньяков и профессиональных поджигателей войны.

Все эти точки зрения до какой-то степени основаны на реальных фактах, но все они являются в своей основе фантастическими. Во многом формированию таких фантастических представлений о Северной Корее способствует политика северокорейских властей,

вполне сознательно направленная на то, чтобы затруднить получение какой-либо информации о внутренней жизни своей страны. Один мой знакомый, китайский социолог, всю свою жизнь занимающийся Северной Кореей, заметил по этому поводу: «Когда имеешь дело с Северной Кореей, приходится организовывать классическую разведывательную операцию для того, чтобы получить ту информацию, которую в большинстве других стран можно прочесть в любой газете».

Тем не менее информационная блокада никогда не была абсолютной, а в последние 20—30 лет окружающий Северную Корею туман сильно рассеялся. Внешний мир, правда, все так же плохо представляет расстановку сил в высших эшелонах политической власти. Крайне ненадежной остается и экономическая статистика — не столько потому, что она почти вся засекречена, сколько потому, что она или не собирается, или собирается по своим, весьма специфическим стандартам. Тем не менее вещи, связанные с повседневной жизнью страны и с, так сказать, низовой политикой, известны сейчас довольно хорошо.

Немалую роль здесь играют 30 тысяч северокорейских мигрантов, проживающих в Южной Корее. В своей массе эти люди не являются политическими эмигрантами, ибо покинули они страну по причинам экономического или личного характера. Эти люди происходят из самых разных слоев северокорейского общества, хотя в целом среди них преобладают выходцы из бедных и малообразованных слоев — эмиграция из КНДР является рабоче-крестьянской в самом буквальном смысле слова. В настоящее время северокорей-

ские эмигранты в Южной Корее и Китае (там работает немало северокорейских гастарбайтеров) поддерживают постоянные связи со своими семьями и оказывают им материальную помощь. Для этого используются китайские сотовые телефоны и нелегальная, но эффективная и надежная система денежных переводов.

Немало информации содержится в северокорейских официальных публикациях, особенно в изданиях на корейском языке, которые доступны, надо сказать, очень небольшому количеству людей (владение корейским языком, в том числе и среди тех, кого считают специалистами по Северной Корее, оставляет желать лучшего — и не только в России). Наконец, многие северокорейские чиновники и предприниматели при определенных обстоятельствах — обычно находясь за пределами КНДР — готовы и к разговору с иностранцами. Конечно, во время таких разговоров они соблюдают определенную осторожность, но в целом северокорейцы могут быть весьма откровенными.

Предлагаемая читателям книга Тюдора и Пирсона интересна тем, что в ней делается попытка выйти за пределы распространенных в западных СМИ стереотипов в отношении Северной Кореи. Северная Корея, которая предстает в книге Тюдора и Пирсона, — это, спору нет, своеобразная страна, жить в которой непросто, однако во многих отношениях она куда более «нормальна», чем обычно принято считать. Особенно важно, что авторы книги много пишут о тех огромных экономических и социальных изменениях, которые произошли в Северной Корее с середины 1990-х годов. Речь идет о стихийном переходе страны к рыночной

экономике (впрочем, в годы правления Ким Чен Ына этот переход перестал быть стихийным — правительство им руководит и всячески его поощряет). Современная Северная Корея при безусловном доминировании старой «чучхейско-социалистической риторики» в СМИ является страной, в экономике которой частный капитал и частное предпринимательство играют заметную роль.

Собственно говоря, это обстоятельство уже давно известно специалистам — в мире защищен не один десяток диссертаций, посвященных разным аспектам северокорейской рыночной экономики и частного предпринимательства. Однако в сознании большинства неспециалистов, что в Южной Корее, что на Западе, что в России, Северная Корея остается неким бастионом «сталинизма с национальной спецификой».

Разумеется, у предлагаемой вашему вниманию книги есть и определенные недостатки, есть в ней и спорные моменты. Например, ее авторы слишком всерьез восприняли популярную в 2012—2014 годах теорию о том, что Ким Чен Ын является во многом марионеткой и что его действия контролирует группа высших чиновников из Организационно-инструкторского отдела ЦК КПК. Не исключено, что в первые годы правления Ким Чен Ына эта точка зрения в целом отражала реальность: молодому руководителю, который достаточно неожиданно оказался во главе страны, потребовалось некоторое время на то, чтобы сконцентрировать в своих руках власть.

Однако подобная точка зрения в настоящее время не пользуется особой популярностью. События последних трех-четырёх лет с полной очевидностью показали,

что Ким Чен Ын является хозяином ситуации в стране и ее реальным, а не формальным руководителем.

Определенное несогласие может вызвать и негативное отношение к Ким Чен Иру, которое хорошо заметно в книге. Отчасти это отношение вызвано особенностями того окружения, в котором работали Тюдор и Пирсон, — некоторые из их контактов (люди в целом весьма информированные) относятся к Ким Чен Иру крайне плохо по личным причинам. В результате в книге возникает, скажем так, окарикатуренный и демонизированный образ покойного северокорейского диктатора. Ким Чен Ир был человеком непростым, но он едва ли являлся тем хладнокровным интриганом, о котором пишут Тюдор и Пирсон.

* * *

Работа над книгой завершилась в начале 2014 года, когда контуры новой Северной Кореи, Кореи Ким Чен Ына, только формировались. По большому счету книга является портретом северокорейского общества около 2010 года. С тех времен изменилось очень много.

Ким Чен Ын пошел на политический риск и стал осуществлять программу радикальных экономических преобразований, которую его отец отверг как излишне рискованную и, следовательно, политически неприемлемую. Ким Чен Ын в последние годы проводит политику поощрения рыночной экономики, и его курс на удивление похож на то, что делал Дэн Сяопин и его окружение в Китае в 1980-е гг. В Китае эта политика именуется «социализмом с китайской спецификой»,

хотя в действительности от социализма она весьма далека.

Китайский рыночный эксперимент привел к экономическому рывку, который, пожалуй, не имеет себе равных в истории XX столетия. В Северной Корее подобная политика тоже предсказуемо привела к серьезному улучшению экономического положения. Вопреки распространенным стереотипам Северная Корея — это сейчас вовсе не страна, население которой балансирует на грани голода. Северную Корею можно описать сейчас как страну бедную (по уровню дохода на душу населения — примерно соответствующую Бангладеш), но при этом с быстро растущей экономикой.

Северокорейское правительство не публикует данных о темпах экономического роста, но практически все наблюдатели согласны с тем, что в последние годы северокорейская экономика росла рекордными темпами. Для 2016 года наиболее пессимистическая оценка темпов роста ВВП Северной Кореи, сделанная Банком Кореи, то есть южнокорейским Центробанком, составляет 3,9%. Оптимисты полагают, впрочем, что рост был существенно выше и, по самым оптимистическим оценкам, достигал 7%.

Рост этот стал результатом серии экономических реформ, которые в последние годы провели Ким Чен Ын и его окружение.

Первой из них стала реформа сельского хозяйства. После прихода к власти Ким Чен Ын выпустил так называемые инструкции 28 июня, которые предусматривали роспуск сельскохозяйственных кооперативов (северокорейский вариант колхозов) и перевод сельского хозяйства на семейный подряд. Этот переход был за-

вершен к 2015—2016 гг. В настоящее время почти вся пахотная земля в Северной Корее распределена между крестьянскими домохозяйствами. Каждую осень после сбора урожая домохозяйства должны выплатить государству натуральный налог, размер которого зависит от качества земли и прочего, но в среднем составляет 30% от урожая. Остальным крестьяне могут распоряжаться по собственному усмотрению. Кроме того, местные власти обещали крестьянам, что участок, данный им в пользование, будет закреплен за ними на продолжительное время, что заставляет крестьян бережно относиться к земле и всячески повышать ее урожайность.

За время правления Ким Чен Ына производство продовольствия в Северной Корее, несмотря на периодические стихийные бедствия, ощутимо увеличилось. Северная Корея почти вышла на уровень самообеспечения продовольствием — хотя, конечно, надо понимать, что речь идет в данном случае о минимальном обеспечении продуктами, то есть о предоставлении всем жителям страны такого количества калорий, которое необходимо для их физического выживания. В этой связи вызывают улыбку встречающиеся в российской печати сочувственные замечания о бедных северных корейцах, которые, дескать, «питаются одним рисом» — в действительности в КНДР рис и поныне является праздничной едой для значительной части населения, которая получает необходимые калории в виде кукурузы, ячменя и продуктов, произведенных из этих злаков. «Питаются одним рисом» в КНДР представители относительно привилегированных слоев.

В 2014—2015 гг. была начата реформа в промышленности. При новой системе северокорейские предприятия обязаны сдать государству по фиксированным (чисто символическим) ценам лишь определенную часть продукции, которая, в зависимости от типа предприятия, составляет от 30% до 50%. Все, что предприятие произведет сверх этого, его руководство может свободно реализовать по договорным ценам. При этом подразумевается, что покупателей для своей продукции руководству предприятия тоже необходимо находить самостоятельно.

Вырученные таким образом деньги можно использовать на заработную плату рабочим, закупку сырья и новые технологии. Значительная часть северокорейских предприятий в последние годы работает с немалой прибылью. Выросли, соответственно, и зарплаты — правда, дополнительные выплаты, во много раз превышающие формально утвержденные нормы заработной платы, приходится оформлять в виде «премий», но на это обстоятельство мало кто обращает внимание. На успешном предприятии фактическая среднемесячная заработная плата составляет сейчас в среднем от 30 до 50 долларов в месяц, а у наиболее квалифицированных рабочих она может доходить и до 80—100 долларов. Если подобные суммы кажутся слишком скромными для нашего читателя, то следует напомнить, что с начала 1990-х гг. и до прихода к власти Ким Чен Ына зарплаты носили чисто символический характер: среднемесячная зарплата тогда не достигала и одного доллара.

Изменилось при Ким Чен Ыне и отношение к частному бизнесу, который в Северной Корее появился и стал быстро расти еще в 1990-е годы (этому, собственно, и посвящена значительная часть книги Тюдора и Пирсона). Ким Чен Ир, отец и предшественник Ким Чен Ына, так до конца своего правления и не определился, как же следует относиться к рыночной экономике и частному бизнесу. На протяжении 1994—2011 гг., то есть во времена Ким Чен Ира, были в КНДР периоды, когда частное предпринимательство пытались игнорировать, были времена, когда с ним боролись, а были и времена (2002—2004 годы), когда его поощряли.

У Ким Чен Ына по этому поводу нет колебаний: он самым решительным образом поощряет частную экономическую инициативу. Любые кампании, направленные против частного предпринимательства, свернуты. Более того, при Ким Чен Ыне была наконец легализована практика, в соответствии с которой частный предприниматель может фактически купить оболочку государственного предприятия. Речь идет об описанных в книге Тюдора и Пирсона «частно-государственных партнерствах», то есть ситуациях, когда частный предприниматель договаривается с властями о совместной деятельности. В соответствии с таким соглашением создается формально государственное предприятие, которое, однако, в действительности управляется частным предпринимателем и в которое он вкладывает свои деньги. Эта практика, как уже говорилось, появилась еще в начале 1990-х годов, однако только в 2014 г. в текст Закона о государственном предприятии были внесены поправки, предусматривающие исполь-

зование частных средств и сделавшие легальной эту практику «частно-государственных партнерств».

Результаты экономической политики Ким Чен Ына хорошо видны в Пхеньяне. На улицах города появляется все больше частных автомобилей (впрочем, большинство из них для спокойствия владельцев формально зарегистрированы в качестве собственности тех или иных государственных предприятий и организаций). И в Пхеньяне, и в других городах КНДР идет строительный бум, причем строительство ведется в основном за счет средств частных предпринимателей, для которых вложение денег в строительные проекты (с последующей продажей квартир) является чрезвычайно привлекательным видом инвестиций. В Пхеньяне можно сейчас купить практически любые предметы роскоши, не говоря о продуктах и бытовых товарах, — были бы деньги.

Деньги, конечно, есть далеко не у всех: рост рынка привел к серьезному усилению имущественного неравенства. Однако важно, что имущественное неравенство не сопровождается обеднением низших слоев северокорейского общества. При том, что богачи быстро богатеют, положение бедняков тоже улучшается, хотя и не такими быстрыми темпами, как положение их более везучих сограждан. Разрыв между богатыми и бедными, равно как и разрыв между Пхеньяном и периферийными городами, велик и быстро растет. Однако даже те, кому не повезло в новой системе, живут сейчас существенно лучше, чем 10 или 15 лет назад.

Именно экономический рост, равно как и вполне искренняя патриотическая гордость по поводу на-

рашивания ракетно-ядерной мускулатуры, являются важнейшими среди факторов, которые сделали Ким Чен Ына популярным среди народа. Правда, Ким Чен Ын и его окружение хорошо понимают одно обстоятельство: эта поддержка может пошатнуться, если рядовой северокореец слишком много узнает о жизни за пределами страны, в первую очередь — в Южной Корее. При том, что значительная часть северокорейского населения уже сейчас неплохо осведомлена, что Южная Корея живет существенно лучше Северной, лишь немногие представляют, насколько велик этот разрыв.

Если правительство разрешит свободные контакты с внешним миром, и в первую очередь с Южной Кореей, детальные сведения о южнокорейском процветании начнут быстро распространяться среди северокорейцев. При таком повороте многие из них начнут задавать неудобные вопросы. Например, некоторые из них могут задуматься о том, по каким именно причинам и, главное, по чьей вине Северная Корея, в начале 40-х годов XX века являвшаяся самым развитым индустриальным регионом в континентальной Восточной Азии, превратилась в самую бедную страну этого региона. В условиях, когда по наследственному признаку комплектуется заметная часть высшего руководства страны (не только собственно правящая семья, но и значительная часть генералитета и высшего чиновничества), элите трудно избежать ответственности за те решения, которые в свое время были приняты их отцами и дедом.

Осознанием этого обстоятельства вызвана другая особенность политики Ким Чен Ына. При том, что